

*Посвящается моей сестре Светлане Беляевой,
с любовью и благодарностью
за поддержку и веру в меня.*

Поколебавшись еще пару секунд, она все-таки открыла дверь.

На пороге стоял незнакомый мужчина.

Он был весь какой-то большой — рост под метр девяносто, даже, наверное, выше; широкие плечи, сильные крупные руки, под белой дорогой футболкой и легким льняным костюмом угадывались тренированные мышцы. Довершали образ коротко стриженные темные волосы, слегка искривленный, видимо перебитый когда-то давно, нос и очень внимательные голубые глаза.

«Терминатор!» — как-то отстраненно-безразлично подумала Тина.

— Здравствуйте! — поздоровался мужчина.

«И голос точно как у Терминатора!»

От этого низкого, какого-то насыщенного тембра голоса у нее даже пробежал холодок по позвоночнику, как бывает, когда попадаешь в резонанс с музыкальным ладом.

Она не ответила, стояла и рассматривала его.

— Игнатова Валентина Игоревна? — спросил мужик.

— Бить будете или удостоверение предъявите? — спокойно поинтересовалась Тина.

— А что, есть за что бить? — усмехнулся он.

— Да кому сейчас повод нужен? — пожала плечами она.

— Тоже верно! — все еще усмехаясь, согласился дядька и представился: — Беркутов Артем Константинович, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

Затем достал из борсетки, висящей на запястье, удостоверение, развернул и показал ей.

Тина равнодушно рассмотрела удостоверение.

— У меня к вам есть несколько вопросов, — пояснил следователь.

— Проходите, — пригласила она и отошла в сторону, пропуская его в квартиру.

Артем Константинович вошел, кинул быстрый взгляд на пепельницу и кружку, стоявшие на полу, и вопросительно указал жестом на свою обувь.

— Нет, нет, не снимайте, — испугалась такой возможности Тина, живо представив, как он станет это делать, и пригласила: — Идемте на кухню.

Они прошли в кухню, и Тина указала ему на «гостевое» место — удобный плетеный стул за столом, напротив окна.

Артем быстрым профессиональным взглядом оценил обстановку.

Кухня оказалась большая — метров пятнадцать, очень стильная и... удивительно уютная.

Становилось понятно, что, невзирая на дорогую мебель и современную встроенную технику, кухню делали под себя, не обращая внимания на модные тенденции. Пол паркетный, светлого дерева, кухонный гарнитур, тоже светлого дерева, — не огромный и громоздкий, как часто бывает, а легкий, занимающий не так много места. Круглый обеденный стол, плетеные стулья, цветы в горшках на столешнице и подоконнике, занавески в тон. Много керамики: тарелки, чашки, какие-то миски, вазы, расставленные по полкам, явно не только для красоты.

Все это создавало ощущение уюта, спокойствия, домашности, что ли, и как-то очень со-звучно оказалось Артему.

У него испортилось настроение. Вот в момент!

— Будете кофе, Артем Константинович? — гостеприимно предложила хозяйка.

— С удовольствием! — ответил он, стараясь изгнать из себя досаду.

Пользуясь тем, что она хлопочет у плиты, заваривая кофе, он внимательно и неспешно рассмотрел Игнатову.

Чуть выше среднего роста, где-то метр семьдесят, стройная — не жердь худосочная, вполне себе в теле, но ничего лишнего. Темные волосы, короткая стильная стрижка с длинными тонкими прядками возле маленьких ушек, такие же прядки сзади на шее. Красивые длинные ноги и удивительно маленькие ступни для такого роста. Тонкие запястья, узкие ладошки, длинные тон-

кие пальцы. Никакого яркого маникюра и короткие, красивой формы ногти. Высокая полная грудь, очень светлая, матового оттенка, кожа. На хозяйке квартиры были короткие кремовые бриджи и белый, доходящий до бедер, хлопчатобумажный легкий свитерок с глубоким вырезом на груди.

Все это, увиденное им в пару мгновений, вызвало у Артема прилив еще большей досады и какого-то разочарования.

Она поставила на стол две чашки с кофе, не маленькие гламурненькие «пиньдюрки», которые он терпеть не мог, а нормальные большие керамические кружки, полные крепкого ароматного напитка, запах которого вызвал мгновенный спазм в желудке, напомнив о том, что за целый день Артему так и не случилось нормально поесть.

— Молоко, сахар?

— Да, — коротко ответил Артем, стараясь уравновесить свое непонятное настроение.

Она добавила в его и свою кружку молока, поставила на стол сахарницу, плетенку с печеньем и чистую пепельницу, села напротив, отхлебнула кофе и закурила.

— Слушаю вас, Артем Константинович.

— Валентина Игоревна... — начал он, но она его перебила:

— Можно просто Тина.

Ну да! Конечно, Тина! А как же! Никакие Валя, Валюша ей не подходят. Экзотическая Тина — имя, вызывающее у тертого следака лег-

кий, чисто мужской спазм внутри, — ей очень шло. В ней не было ничего вычурного, нарочитого, рисовки и позерства. Никаких украшений, только тоненькая цепочка с крестиком, спускающаяся в ложбинку груди, и полное отсутствие косметики на лице.

Выразительные светло-карие, даже скорее золотистые глаза, тонкие брови, прямой нос с еле заметной горбинкой, красивой формы губы — не слишком пухлые, но и не тонкие. Неброская, изысканная красота, которую чем больше рассматриваешь, тем больше открываешь.

Он наконец подобрал ей определение, которое все вертелось в голове непойманным, с первого мгновения, как он ее увидел, — изысканная простота!

Черт! Окончательно расстроился Беркутов.

Опять поднялась волной досада, которую он так старательно изгонял из себя.

— Хорошо, Тина, — рубанул вопросом он, — как давно вы виделись со своим мужем?

— Уточняю, — заметила она без эмоций в голосе, — бывшим мужем, и к тому же гражданским, мы не были расписаны. А виделись мы две недели назад, когда он забирал свои вещи.

— Почему он их забирал?

— Мы расстались, — пожалала равнодушно плечами она.

— Почему? — вел беседу в мягкой форме вопроса Беркутов.

— Хороший вопрос! Я сама себе его задаю, но несколько иначе: почему мы не расстались

раньше? — усмехнулась невесело девушка и вдруг спросила прямо: — Артем Константинович, что произошло?

— Я объясню вам позже, ладно? — ушел от ответа он. — Меня интересует все, что связано с вашим бывшим мужем.

— С ним что-то случилось?

— Ничего страшного. Извините, но все-таки я вынужден вас спросить: что послужило причиной вашего расставания?

Ей позвонила на работу Ритка.

— Тина! Мне срочно нужно твое черное платье!

— Здравствуй, Рита, я тоже рада тебя слышать, и у меня все в порядке!

— Тинка, не вредничай! У меня обалденный клиент, и он пригласил меня в шикарный кабак!

— В шикарных кабаках флиртуют, а не говорят о делах. Ты вообще-то в курсе? — усмехнулась Тина.

— Я бы хотела совместить, если получится. Для этого мне и нужно твое платье!

— Заезжай вечером и возьми.

— Мне надо сейчас! У нас намечена встреча в пять. Понимаешь — в пять: очень по-деловому. Я сейчас лежу в ванной и буду приводить себя в порядок. Тиночка, пожалуйста, съезди за платьем и привези мне. Очень тебя прошу! Может, это судьба!

— Боже, спаси нас от этого! Обычно все, что

«может, судьба», ты посылаешь через неделю-другую очень далеко, придав ускорение словами!

— Это ты у нас порядочная жена, а мы, одинокие девушки, ищем своего принца методом научного тыка, не ожидая милостей от природы!

— Ладно, ты там не утонешь, в ванной?

— «Ладно» — это значит, что съездишь, или призыв заткнуться? — осторожно уточнила Ритка.

— Съезжу, а то, не дай бог, разрушу счастье подруги!

— Я тебя люблю! Жду!

Войдя в прихожую своей квартиры, Тина увидела туфли мужа и его портфель и удивилась — странно, он никогда не приезжал домой днем. Может, что-то случилось?

Она собралась позвать его, даже вздохнула поглубже, когда вдруг услышала доносящиеся из спальни непонятные звуки. И уже подходя к двери, обо всем догадалась, но какая-то сила — скорее всего, желание убедиться окончательно, не дав себе трусливой возможности подумать, что не так все поняла, — заставила ее войти в комнату!

На кровати происходил апогей «большой и чистой любви» в исполнении Тининого мужа и ее же ближайшей подруги Людмилы.

Он скакал на ней, рвался к финалу, громко выкрикивая матерные слова. И в этот момент Тина столкнулась взглядом с Людмилой, лежащей под ним. И ее взгляд, за секунду, из откровенно чувственного, отрешенного стал испуганным.

Тина медленно вышла, осторожно притворив за собой дверь.

Прошла в кухню, заварила себе кофе, села за стол с чашкой в руке, закурила и уставилась в окно невидящим взглядом, пытаясь разобраться в хаосе своих мыслей.

Девушка испытывала целый букет чувств — непонимание и жгучую обиду на Людку, какую-то брезгливость от самой этой нелепой ситуации, но все это было второстепенным. Главным и самым сильным чувством оказалось огромное облегчение, ощущение, что некая невероятная тяжесть, давившая на нее много лет, вдруг свалилась с плеч, освободив от непомерного груза! Это поражало и немного пугало.

«Я потом с этим разберусь! Сяду, подумаю и все пойму, а сейчас мне надо выдержать разговор! Просто потерпеть немного и пережить его!» — твердо, почти по слогам отдала она себе приказание.

Тина услышала звук закрывающейся входной двери — ушла Людмила. На кухню вышел Алексей, босиком, в брюках и расстегнутой рубашке, вперед своим солидным брюшком.

— Свари мне тоже кофе, — попросил он.

Тина молча показала ему рукой на плиту — жест, означающий «вари сам!».

— Ты же знаешь, я не люблю варить кофе, — раздраженно сказал он, достал из холодильника бутылку минеральной воды и налил себе в стакан.

Выпил залпом воду, поставил стакан на столешницу и выдвинул обвинение.

— Ты сама в этом виновата! — начал наступление Алексей. — Ты уже несколько месяцев со мной не спишь! В конце концов, я нормальный мужик, мне секс нужен регулярный, а не тогда, когда твое величество соизволит!

— Я не знала, что ты любишь материться в процессе! — еле сдерживая подступивший неожиданно предательски рвущийся смех, сказала Тина.

— Да, люблю!!! — закричал он. — Меня это заводит! Но с тобой это невозможно!! Ты же вся такая, прямо княгиня гребаная! С тобой рядом чихнуть страшно: вдруг ты не так поймешь!!

— Леша, ты не нервничай сильно-то, — очень спокойно сказала Тина. — Ты пойди, собери необходимые вещи на первое время. Я потом остальное упакую.

— Я не собираюсь от тебя уходить! Подумаешь, трахнулся мужик! Ну и что?! Если ты мне не даешь, это еще не повод для развода! Ты сама виновата!! — еще раз упрекнул он истеричным фальцетом.

— Хорошо. Я во всем виновата, — согласилась Тина, даже головой кивнула в подтверждение и закончила: — Но жить с тобой я больше не хочу. Пожалуйста, собери вещи и уходи!

— Дура! Идиотка! Вот так взять и все разрушить!! На что ты жить собираешься?! На свою зарплату?! — орал возмущенно Алексей.

— Леш, — ровным тоном вразумляла его

она, — все время, что мы с тобой живем вместе, я живу на свою зарплату. У тебя деньги брала редко и только на продукты. Не думаю, что с твоим уходом стану жить хуже или бедней.

— Я вложил в эту квартиру бешеные бабки! Это мой дом! — нервничал он все сильнее.

— Леш, — все так же спокойно говорила Тина, — это не твой дом, это квартира моих родителей. И перестань хоть раз в жизни считать деньги!

— Ты еще припомни, что первое время ты нас кормила!! — Лешка не мог остановиться, ему было просто необходимо ее во всем обвинить.

— Мы с тобой прожили пять лет, из них три года на мою зарплату, — уставшим тоном напомнила она. — Это не просто первые годы — это три из пяти! Я очень тебя прошу, будь ты мужчиной хоть раз — уйди, и все!

— Хорошо! Я уйду сейчас, но мы еще вернемся к этому разговору, когда ты немного остынешь! — сказал он и вышел из кухни.

Он ходил по квартире, собирался, а Тина прислушивалась к звукам его сборов — спальня, ванная, гостиная, снова спальная комната, кабинет. И ей все казалось, что он передвигается совсем медленно, и она умоляла его про себя:

«Ну уходи ты уже скорее! Давай, вали, сколько можно-то! Мне надо побыть одной!»

Наконец, собранный — с дорожной сумкой и портфелем в руке, одетый в костюм, он зашел в кухню.

— Я ухожу. Позвоню через пару дней, и мы поговорим спокойно, — деловым тоном сделал заявление Алексей.

— Оставь ключи, — попросила Тина.

— Они мне нужны, мало ли что мне понадобится! — возмутился бывший теперь уже гражданский муж. — Не дури!

— Оставь ключи! — очень жестко и холодно потребовала Тина. — Если тебе что-то понадобится, позвонишь, я тебе отдам!

— Ненормальная! — прикрикнул Лешка.

Но все-таки достал из кармана связку, снял с брелока два ключа от квартиры и швырнул на стол. Ключи пролетели по крышке столешницы, стукнулись о чашку и упали на пол к ногам Тины. Она не стала наклоняться и поднимать их.

С огромным облегчением Тина закрыла за Алексеем дверь и вернулась на кухню. Налила себе воды из бутылки, которую он оставил на столе, собралась выпить, но вдруг, совершенно неожиданно, перед мысленным взором девушки четко, во всех деталях, встала картинка, которую она увидела в спальне. И это показалось ей настолько комичным, что Тина засмеялась. Сначала легко, но смех тут же перешел в гоме-рический неудержимый хохот, отнимающий все силы. Она хохотала так, что у нее подкосились ноги, и девушка бессильно опустилась на пол. Отсмеявшись и немного успокоившись, она выпила воды, стакан с которой так и держала в руке, немного расплескав на себя.